

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

ПЕРВЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ ЖУРНАЛА «СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ»

Вышли в свет первые три номера научно-теоретического журнала «Советская тюркология», органа АН СССР и АН АзербССР¹ (периодичность — 6 номеров в год). В редакционную коллегию, возглавляемую известным диалектологом акад. АН АзербССР М. Ш. Ширалевым, вошли виднейшие представители тюркского языкознания и филологии, крупнейший востоковед ныне покойный акад. Н. И. Конрад, литературоведы и литераторы.

Как явствует из программы журнала, изложенной в статье главного редактора М. Ш. Ширалева и ответственного секретаря редакции С. Г. Асадуллаева «Советская тюркская филология и задачи журнала „Советская тюркология“», на страницах этого нового издания «будут освещаться вопросы фонетики, грамматики и лексики тюркских языков, их исторического развития (историческая и сравнительная грамматика и лексикология), а также вопросы истории литературного языка и диалектов, стилистики и теории перевода, вопросы культуры речи; одновременно предполагается уделять особое внимание «вопросам теории и методологии языкознания, последующих на материале тюркских языков» (СТ, 1, стр. 10). Кроме того, большие задачи ставятся перед СТ также в области изучения литературы и фольклора тюркоязычных народов: журнал призван «способствовать становлению и утверждению новой отрасли советского литературоведения — тюркского литературоведения» (СТ, 1, стр. 11).

В соответствии с намеченными задачами в журнале выделены два основных раздела — «История и теория языка» и «Вопросы истории и теории литературы». Естественно, что из них наиболее устойчивой от номера к номеру, обширен и значителен по объему представленного в нем материала раздел «История и теория языка».

¹ «Советская тюркология», Баку, 1970, 1—3 (далее в тексте — СТ).

Как эта обширная программа, зовущая отвечающей состоянню отечественного языкознания и охватывающая большой круг важных языковедческих проблем осуществляется в первых трех номерах СТ за 1970 год?

Как бы развитию и конкретизации изложенной М. Ш. Ширалевым и С. Г. Асадуллаевым программы служит проблемно-критическая статья Э. В. Севортяна «Несколько замечаний к тюркологическим исследованиям по грамматике» (СТ, 3). Анализируя серии новоявившихся в последние десятилетия монографий, кандидатских и докторских диссертаций по ряду важных грамматических проблем, Э. В. Севортян показывает, сколь необходимо «перемещение центра тяжести исследований с классификационных поисков и описаний в область изучения и описания свойств, связей и отношений грамматических единиц (частей речи, предложений, словосочетания и т. д.) с другими единицами, частями или сферами языка» (СТ, 3, стр. 5).

Критически отнесясь к априорным установкам, которые лежат в основе предлагавшихся классификаций, и, в частности, к преобладанию семасиологического аспекта при рассмотрении грамматических явлений, автор раскрывает всю бесплодность такого теоретизирования на примере существующих классификаций тюркских частей речи. Подлинно научная классификация, по мнению Э. В. Севортяна, не может быть создана, пока на материале тюркских языков не разрешена проблема грамматической формы и тесно связанная с ней проблема грамматических категорий. Перспективным направлением он считает изучение «взаимоотношений грамматической категории и ее лексического носителя, т. е. более широко — взаимоотношение грамматики и лексики и тесно связанное с этим функционирование грамматической категории» (СТ, 3, стр. 11).

Э. В. Севортян намечает также конкретные пути в исследовании таких важных проблем тюркской грамматической нау-

ки, как словообразование, аналитическое словообразование и шире — большая область аналитизма в тюркских языках в ее типологических сходствах и расхождениях с аналитизмом в внесистемных языках.

Многообещающей областью тюркологических исследований автор признает ареальные отношения внутри тюркских языков. По его мнению, однако, пока не ясно, какие именно вопросы необходимо решать в ареальных темах. Надо ли, например, заниматься в этих работах главным образом описанием форм, их значений и употребления в языках, образующих ареальную группу, или же изучение ареальных объединений должно вестись по иному плану с сосредоточением главного внимания на фактах, доказывающих ареальную общность исследуемых языков, позволяющих... определить исторические изменения в ареальных группах и направление таких изменений...» (СТ, 3, стр. 16). Думается, что такое противоставление наземных двух планов исследования вряд ли оправдано: одно совсем не исключает другое. Напротив (если последовательно продолжить высказанные в статье Э. В. Севортяна мысли), только изучение каждой подсистемы форм, принадлежащих той или иной грамматической категории, в их системных взаимоотношениях, в их функциональных и количественных характеристиках для каждого из языков данной ареальной группы как раз и позволит установить, происходит ли нарастающее сближение или же, наоборот, расхождение между языками одной ареальной группы...» (СТ, 3, стр. 16). Для того, чтобы добыть факты, показывающие степень ареальной общности исследуемых языков, необходимо тщательно составлять в этих языках даже в внешне вполне совпадающие формы, выходя при этом частую их употребления в том или ином языке, объем их функций, а также их соотношения с другими однокатегориальными коррелирующими формами (такой анализ легче всего проводить в области глагольных имен, причастий и деепричастий).

Статья А. Н. Ковонова «П. М. Мелиоранский и отечественная тюркология» (СТ, 1) — образец того, как нужно находить современные аспекты в научном наследии тюркологов прошлого и пути его актуального применения? П. М. Мелиоранский показан как ученый, который «поразительно быстро стал на мало кем

из тюркологов достигнутой высоту современных лингвистических методов и взглядов» (А. Н. Самойлович). Характеризуя ученого прежде всего как тюрколога-лингвиста, в то же время обладавшего глубокими знаниями тюркологической истории, А. Н. Ковонов категорически высказался против «полного и решительного отрыва тюркского языковедения от истории... культуры тюркоязычных народов» (СТ, 1, стр. 23).

О необходимости исследовать историю тюркских языков и в особенности тюркских литературных языков с учетом всего контекста исторических и географических факторов пишет Э. Н. Наджин в статье «О средневековых литературных традициях и смешанных письменных тюркских языках» (СТ, 1). Статья эта не совсем обоснованно отнесена к разделу «Вопросы истории и теории литературы» — на самом деле в ней трактуются спорные вопросы истории тюркских литературных языков, та самая языковедческая проблематика, которая в программе журнала числится в ряду требующей неотложного и пристального изучения (СТ, 1, стр. 8—9).

Понимая чрезвычайно острые и актуальные вопросы преемственности, соотношения, взаимовлияния и взаимодействия тюркских литературных языков в различные исторические периоды, Э. Н. Наджин решительно выступает против «спешных заявлений, какие у нас нередко делаются о принадлежности данного памятника тому или иному из современных тюркских народов» (СТ, 1, стр. 87). Важные вопросы, намеченные Э. Н. Наджином, естественно, почти невозможно окончательно разрешить в одной журнальной статье. Желательно было бы обсудить на страницах СТ эту проблематику, причем одна из способов широко привлечь специалистов к обсуждению — это дискуссия в форме ответов на вопрос составленной для этих целей анкеты, которая бы затрагивала по пунктам наиболее спорные вопросы истории тюркских литературных языков².

Непосредственно к этой же тематике относится статья Э. Р. Тейшева «Новый источник чагатайского языка раннего периода» (СТ, 1), в которой сообщается о найденных автором трех старых рукописных саларских книгах («*Şâdeti*, «*Qusqa-i Qutbal*», фрагмент из «*История саларов*») и приводится ряд характерных особенностей их языка. Прозаический язык старых саларских книг, датированный раннечагатайской порой, автор рассматривает как недостающее звено в развитии среднеазиатско-тюркского письменного литературного языка, который

² Здесь уместно отметить большую роль А. Н. Ковонова как организатора ежегодных тюркологических конференций в Ленинграде. Самая тематика этих конференций побуждает тюркологов среднего и молодого поколений ближе заняться разработкой богатейших глубинных хронологических пластов отечественной тюркологии.

³ Ср. опыт журнала ВЯ в этом деле: анкета «Об образовании восточнославянских национальных литературных языков» (ВЯ, 1959, 4).

для того времени был представлен пока исключительно поэтическими произведениями с их жаровыми ограничениями в отношении языковом.

Сюда же примыкает подборка сообщений, относящихся к древней истории тюркских языков. М. А. Хабичев в статье «О древнетюркских рунических надписях в алашских катакомбах» (СТ, 2) сообщил о найденных и прочитанных им надписях из катакомб на территории Карачаев-Черкесской автономной области. А. А. Раджабов в статье «Об Омгинском памятнике» (СТ, 2) предложил свои уточнения к датировке и переводу надписи этого памятника. Л. Ю. Тугушева в статье «Древние уйгурские стихи» (СТ, 2; в разделе «Вопросы истории и теории литературы») опубликовала один из образцов древнеуйгурского стихотворения, написанного фольклорным семисложным стихом, по древнеуйгурской рукописи из собрания ЛО ИВ АН СССР (примерно VII в.); текст и перевод автор снабдила стиховедческим и лингвистическим комментарием, указателем слов.

Ленинский номер (СТ, 2) открывается статьями А. М. Дадашзаде «Образ В. И. Ленина в литературе» и Т. А. Эфендиевой «Ленинские идеи — основа языкового строительства в нашей стране». В статье Т. А. Эфендиевой, построенной на анализе работ В. И. Ленина по национальному вопросу, ленинских высказываний о языке, успехи, достигнутые в языковом строительстве СССР за годы Советской власти, показаны на примере достижений Азербайджан в этой области. Материалы этой статьи перекликаются с удачно дополняют обзорной статьей Л. А. Покровской «О состоянии изучения и развития гагаузского языка» (СТ, 2).

В рецензируемых трех номерах СТ опубликовано большое число статей, материалов и сообщений по различным отраслям тюркского языкознания.

Теоретической фонетике, которую Э. В. Севортян назвал «самым узким местом отечественной тюркологии» (СТ, 3, стр. 3), посвящены статьи Г. П. Медникова «Причины нарушений симметрии в системе киргизских гласных» (СТ, 1) и М. И. Трофимова «О влиянии длительных согласных на слогоделение в уйгурском языке» (СТ, 3). В статье Г. П. Медникова, оснащенной многочисленными рисунками и схемами, названные причины наглядно вскрываются на основе разработанной автором методики одновременного учета как фонологических противопоставлений гласных, так и их фонетических особенностей, и построенных в результате иерархических моделей тюркского и киргизского вокализмов. М. И. Трофимов трактует вопрос о применимости учения Ф. де Соссюра о слогоделении к материалам новоуйгурского языка и вместе с тем, преодолевая известное упреждение в его концепции, стремится учесть

влияние длительных согласных, обладающих слогаобразующими свойствами (сонанты, спиранты), на слогоделение.

Разнообразна тематика статей по морфологии. Б. А. Серебрянников в статье «О некоторых частных деталях процесса образования аффикса множественного числа *-lar* в тюркских языках» (СТ, 1), исходя из известной гипотезы о сложности строения этого аффикса, полагает, что некогда *-lar* был использован в склонениях имен существительных с притяжательными суффиксами, наиболее же древний вариант *-la* пережиточно сохранился в склонении без притяжательных суффиксов. При анализе фонетических вариантов аффикса мн. числа автор опирается на данные статистической фонетики, прежде всего — о частотности консонантных сочетаний.

Х. Г. Нигматов в статье «О глагольных корнях типа СГС и СГ по материалам Словаря Махмуда Кашгарского» (СТ, 3) на основе реконструкции ряда корней типа «*to*» (ср. *tol* «наполняться»), «*ya*» (ср. *yiz* «сиять») приходит к выводу, что некоторые ныне неразложимые корни типа СГС исторически являются производными от корней типа СГ и в качестве конечного согласного имеют застывший морфологический формант, который в известной мере продолжает сохранять в составе слова свое значение.

К. М. Любимов в обширной статье «Система грамматических времен в современном турецком языке» (СТ, 2) делает попытку сопоставления временных форм и обобщения их в единую систему, анализа взаимосвязи и взаимообусловленности этих форм; здесь, однако, не ставится такой важный и актуальный вопрос, как место и соотношение аналитических и синтетических форм в системе глагола» (СТ, 3, стр. 15). Сторонник именного характера турецкого глагольного спряжения, автор считает необходимым здесь «прежде всего... отметить формы спрягаемых существительных и прилагательных в настоящем и прошедшем времени» (СТ, 2, стр. 52). Исходя из того, что существительные и прилагательные не могут спрягаться в будущем времени (глаголы имеют «будущее-настоящее время»), а также из того, что в «будущем-настоящем времени, образующем спряжением причастия будущего времени в настоящем времени», «причастие будущего времени восходит опять-таки к желательному наклонению (*yaza + cak*)» (СТ, 2, стр. 61—62), автор отказывает турецкому языку в наличии будущего времени («турецкое спряжение — дву-временное», стр. 63). Думается, что подобные утверждения возможны только с позиций полного равнодушия к вопросам четкого разграничения синхронии и диахронии. Точно так же относить форму прошедшего времени на *-di* в современном турецком языке к разряду именных, суб-

стантивных основ» (СТ, 2, стр. 55) — значит смешивать вопросы генезиса глагольной формы и занимаемого ею положения в современной глагольной системе.

Статья Ф. Р. Зейналова «Категория модальности и способы ее выражения в тюркских языках» (СТ, 2), относясь в целом к разделу морфологии, тяготеет в то же время к синтаксическим описаниям. Четко отделив модальные слова от прочих средств выражения модальности, автор характеризует их как особую переходную лексикограмматическую категорию, имеющую много общего с частными и синтаксически выполняющую аналогичную функцию.

Вопрос синтаксиса в журнале посвящено, пожалуй, наибольшее число статей.

Г. А. Абдурахманов в обзорной статье «Изучение синтаксиса тюркских языков» (СТ, 1) рассматривает труды советских тюркологов по синтаксису словосочетания и по синтаксису предложения и намечает здесь круг задач, требующих дальнейшего и всестороннего исследования.

Один из вопросов синтаксиса словосочетания трактуется в статье Н. З. Гаджиевой «Природа изафета в тюркских языках» (СТ, 2). Вопреки мнению С. С. Майзеля, автор идет в I (безаффиксальном) типе изафета адъективированное словосочетание; доказывается позднее развитие III (глагольного) типа изафета. Сюда же может быть отнесена статья М. В. Физкальштейна «Структурные особенности некоторых узбекских синтаксических конструкций» (СТ, 3), где анализируются узбекские лексико-грамматические соответствия русским именовым сочетаниям с существительным в твор. падеже + предлог с.

В журнале нашли отражение вопросы синтаксиса многих типов предложения. Дж. С. Ахмедов в статье «Выражение отрицания предикативами с констатирующей функцией в современном азербайджанском языке» (СТ, 2), анализируя употребление *jox* и *deji*, передающих разные аспекты отрицания, считает предикативные отрицательные формы констатации маркированными по отношению к соответствующим положительным формам.

В статье А. Н. Баскакова «Сложносочиненные союзные предложения в современном турецком языке» представлена попытка классификации этих предложений «по характеру отношений между частями сложного предложения» (СТ, 3, стр. 18): выделяются сложносочиненные предложения а) с лексическими коррелятами, б) с морфологическими коррелятами, в) с синтаксическими коррелятами; кроме того, дана классификация этих предложений и по числу семантического принципа.

А. З. Абдуллаев в статье «Пути возник-

новения сложноподчиненных предложений в тюркских языках» (СТ, 3) полагает, что одна разновидность сложноподчиненных предложений («содержательные») возникла на базе распространения простого предложения, другая разновидность их («двуадерные») генетически восходит к сложносочиненным предложениям. Преобладающее к хронологиям — как к абсолютной, так и к относительной, делает улавлимым синтактико-генетические построения автора. В самом деле, в статье не указаны хронологические рамки исследования, и в одном ряду приводятся примеры из памятников древнетюркской письменности, из словаря Махмуда Кашгарского, «Китаб-и Деде-Коркуд», из современной турецкой прозы и т. п. Все это приводит к смешению исторической последовательности процессов — так, автору кажется, что после того, как утверждаются различные типы придаточного предложения с относительными местоимениями⁴, эти местоимения «начинают употребляться в составе деепричастного оборота» (СТ, 3, стр. 53), между тем как примеры такого употребления приводятся только из памятников древнетюркской письменности. Думается, что фактом такого использования относительных местоимений свидетельствовало как раз то переходное состояние, при котором относительные местоимения, выходящиеся в начале своего развития как средства союзной связи, были индифферентны к структуре оборота, который они присоединяли к главному предложению.

Характеризуя сложноподчиненные предложения с относительными местоимениями как «древнейшие первоначальные структуры» (СТ, 3, стр. 53), А. З. Абдуллаев заключает, что «данная разновидность сложноподчиненных предложений возникла путем соединения вопросительного предложения с повествовательным» (стр. 54). Такой путь представляется до чрезвычайности прямолинейным и семантически мало оправданным. Во всяком случае, синтаксическое изучение такого памятника рубежа XV—XVI вв., как «Бабур-наме», показало, что одним из условий перехода вопросительного местоимения *kim* в относительное являлась утрата им падежной парадигмы: в придаточном определенном предложении, вводимом посредством *kim*, при необходимости использовался косвенный падеж апафорического местоимения или же пов-

⁴ Вызывает недоумение, что «сложноподчиненные предложения с союзными и словами (относительными местоимениями) (разрядка наша. — Г. Б.) и показателем {-sa/-sa}) зачислены А. З. Абдуллаевым в группу «бессоюзных» (СТ, 3, стр. 53).

торно употреблялось; определяемое имя в подлежащем падеже⁵.

Разнообразны в журнале и материалы, которые можно отнести к разделу лексикологии. А. А. Юлдашев в статье «Новшества в тюркских языках и ее отражение в словарях» (СТ, 1) разбирает спорный вопрос, ставший поводом в лексикографической работе. Он видит в конверсии «отнюдь не функциональное явление, а словообразовательное» (СТ, 1, стр. 76) и полагает, что в тюркских языках конверсия не идет на убыль, «а наоборот... вовлекает в словообразовательные и заимствовательные, и пропавшие слова» (там же).

Такая популярная в настоящее время дисциплина, как фразеология, представлена двумя статьями. А. Т. Кайдаров в статье «О фразеологических вариантах в уйгурском языке» (СТ, 2) наряду с лексическими вариантами именованно-глагольными идиоматическими выражениями рассматривает в плане лексического варьирования также пословицы и поговорки. В статье Э. А. Умарова «К истории одного фразеологизма из словаря В. В. Радлова» (СТ, 1) прослеживается по старым письменным памятникам и современным тюркским языкам выражение *ibis sibü* «честь, авторитет», учитываются его более поздние варианты и эквиваленты.

Конкретным материалом насыщены статьи И. Т. Добродомова «К истории культурных терминов тюркского происхождения» (СТ, 3) и Д. С. Сегарова «Тюркизмы в русских названиях птиц» (СТ, 2), проблематика которых определена широко ведущимися сейчас подготовительными работами в области создания словарей тюркизмов славянских языков.

Прекрасная подборка статей, представляющих интерес как с терминологической, так и с фразеологической точек зрения, а одновременно — и с точек зрения исторической и этнографической, опубликована в разделе «Ономастика, топонимика, этвоименика» (раздел появился в № 3). Мы имеем в виду, прежде всего, статьи В. М. Насилова «Ономастика охотничьего быта тувинов, уйгуров и казахов» и Л. П. Потапова «К семантике названий шаманских бубнов у народов Алтая»; сюда же тематически принадежит статья Х. Д. Баженовой «О золотом шитье Бухары и связанных с ним терминах». В этом же разделе напечатаны сообщения А. Гусейнова «О происхождении топонима *Вакр*» и Г. П. Сун-

рученко «Из древнеуйгурского «ономастикпа».

В трех рецензируемых номерах СТ совсем не представлена диалектология. Между тем, на страницах журнала было бы полезно помещать не только обзорные и обобщающие статьи, касающиеся вопросов составления диалектологического атласа тюркских языков и принципов составления диалектологических словарей (как это намечено в программе, см. СТ, 1 стр. 7). Безусловную ценность составили бы и публикации вполне конкретных материалов — небольших словарей того или иного диалекта (говора), тематических подборок диалектной лексики (например, ботанические названия в одном из говоров, зоологические названия или бытовая лексика и т. п.), особо характерных фрагментов диалектных текстов.

В соответствии с программой журнала на его страницах освещаются вопросы, связанные с алтаистикой. В обзорно-обобщающей статье Н. А. Баскакова «Основные направления в изучении алтайской семьи языков» (СТ, 1), оснащенной подробной библиографией, охарактеризованы генетическая теория родства алтайских языков (Г. Рамstedт) и теория их типологических сходжений (В. Котвич). В статье справедливо отмечается целый ряд уязвимых мест в гипотетических реконструкциях, предложенных Рамstedтом; в то же время несомненно важным выглядит методологические упреки в адрес Рамstedта — в том, например, что им «не дана полная характеристика языкооснов (разрядка наша. — Г. Б.), но всегда выяснены отношения форм общепалейского языка к соответствующим формам современных конкретных языков...» (СТ, 1, стр. 31; см. еще стр. 31—32); думается, что все это вряд ли под силу выполнить одному исследователю. В качестве позитивной части статью заключает схема общего процесса дифференциации и интеграции алтайских языков, которая уже известна читателям из доклада Н. А. Баскакова на I алтаистической конференции (ИО Института языкознания АН СССР), опубликованного в ВЯ⁶.

Намеченные в программе СТ проблемы взаимодействия тюркских языков с другими языками, начиная с древнейших времен до наших дней, на страницах журнала освещаются в двух статьях. М. Р. Федотов в статье «О чувашском каритивном аффиксе *-cärp (-sär)*, *-cärp (-sär)* и его рефлекс в некоторых финно-угорских языках» (СТ, 3) критикует точку зрения, в соответствии с которой отожд-

⁵ См.: Н. А. Баскаков, Ареальная консолидация древнейших наречий и генетическое родство алтайских языков, ВЯ, 1970, 4.

⁶ Подробнее об этом — в нашей статье о сипаткесе сложноподчиненного предложения в языке «Бабур-наме» (сб. в честь Е. И. Убрятовой, в печати). На этом материале та же сипаткесесная особенность отмечалась еще А. Казем-Беком (см. его «Общую грамматику тюркско-татарского языка», 2-е изд., Казань, 1846, стр. 118, 434—435).

дествляются аффиксами *-sırā* и *-sır-ā* в основе сопоставления нескольких слов постулируется чередование $r \sim z$ в языке древнетюркских памятников. Привлечение финно-угорских заимствований из чувашского на *-sır* позволяет автору предположить, что в тюркских языках переход z (δ) в r произошел до IX в. н. э.

В статье Н. С. Джидалаева «О диакритических тюрко-дагестанских языковых контактах» (СТ, 3, помещена в разделе «Языковые связи») диакритические уроки тюркского языкового влияния на лезгинский язык выделяются в зависимости от характера звуковых трансформаций, которым подвергались тюркизмы в этом языке. При подборе тюркских эквивалентов, по-видимому, не всегда учитывалось, что тюркизм в иносоставном языке может сохранять черты более древней формы.

В разделе «Вопросы теории и истории литературы», помимо уже упоминавшихся выше, опубликованы статья И. В. Стеблевой «Рифма в тюркоязычной поэзии XI в.» (СТ, 1) и М. А. Сейдлова «Заметка о гуннской мифологии» (СТ, 2). Внимание И. В. Стеблевой привлечено к погрешности в рифме, наблюдаемые в «Кутадгу билиг» и в словаре Махмуда Кашгарского: именно они помогают проследить путь становления тюркоязычной точной рифмы. Автор пытается наметить два ареала развития тюркской стихотворной практики в соответствии с преобладающим воздействием арабской и персидской литературы или же поэзии моголов. Углубленной стороной статьи М. А. Сейдлова являются предлагаемые им этимологии вроде *basil* (этноним) «*bas + illel* „побеждающий народы“, „покоритель земель“» (СТ, 2, стр. 108, примеч. 9), *jabgu* (сословное звание) — «из соединения слова *jab/gar* со словом *gu*»: в результате якобы возникает значение «великий строитель, творец, повелитель» (стр. 114). Эти этимологии сомнительны уже потому, что глагольная основа в чистом виде может выступать только в повелительном наклонении, формы которого, как известно, никак нельзя отождествить с *Nominis agentis*; к тому же, тюркским языкам известны императивные личные имена, но не этнонимы и пр. Тем не менее, эти и подобные этимологии фигурируют в статье как «дополнительное подтверждение привнадлежности гуннов к тюркоязычным племенам древности» (стр. 116). В разделе «Исследование народного творчества», появившемся в № 3 СТ, напечатана статья С. Каскабасова «Герои казахской волшебной сказки».

В каждом номере СТ публикуются рецензии на новые книги по разным отраслям тюркского языковедения, которые вышли в свет как в центральных, так и в республиканских издательствах Совет-

ского Союза⁷, а иногда — и за рубежом⁸; раздел этот именуется то «Критика и библиография», то просто «Рецензии».

В разделах «Научная жизнь», «Рефератив», «Хроника» освещаются все наиболее важные с точки зрения тюркологии события в нашей стране; материалы этих разделов в будущем послужат важным подспорьем при создании истории советской тюркологии.

Журналу, в силу его специфики, пришлось столкнуться с целым рядом лингвистических трудностей. Из номера и номер СТ призывает тюркологов к единообразию в использовании транскрипции регулярно публикуя в виде приложения список диакритических знаков и таблицы принятой в журнале МФТ в ее соответствиях существующим тюркским алфавитам на кириллической основе и некоторым арабским алфавитам. Тем не менее авторы ряда статей (даже и фонетической — М. И. Трофимов) еще придерживаются традиций транскрипционного разнообразия, существенно осложняя работу редакции. Можно было бы назвать бросающиеся в глаза опечатки⁹ и другие огрехи; однако справедливость требует отметить, что от номера к номеру журнал все успешнее преодолевает технические трудности, заметно совершенствуется его полиграфическая база, повышается издательская культура. Знакомству зарубежного читателя с СТ способствует содержание номера, публикуемое на английском языке.

Завершая обзор трех рецензируемых номеров СТ, следует признать, что замечательная редколлегия журнала программа успешно выполняется на достаточно высоком уровне. Наряду с теоретическими, обобщающими и обзорными статьями в СТ печатаются материалы и сообщения, в которых представлены разработки конкретных, иногда, может быть, и

⁷ Рецензия А. А. Юлдашева на кн. С. Н. Иванова «Родословное древо тюрков Абу-л-Газиз-хана» (СТ, 2) несколько раньше была опубликована в ВЯ (1970, 4).

⁸ Из последних журнал откликнулся на книгу д-ра Надира Вазили Пура «Структура глагола в тюркских языках», написанную на персидском языке и потому труднодоступную для тюркологов.

⁹ Отметим только наиболее досадные. В определении словосочетания, цитируемого из «Грамматики башкирского языка» Н. К. Диптриева, допущена обесмысливающая замена слова: словосочетание — это форма для выражения статических отношений между предметами (СТ, 1, стр. 43; следует читать: «между предметами»). См. также О. Böhling (СТ, 1, стр. 49) вместо О. Böhling или: И. К. Бунина (СТ, 2, стр. 45) вместо И. К. Бунина.

частных вопросов тюркского языкознания; свое место в журнале заняли и публикации древнетюркских текстов, вновь найденных рунических надписей и т. п.

Тематика каждого из трех номеров разнообразна. На будущее редакции журнала можно было бы пожелать подбирать в номер тематически более тяготеющие друг к другу материалы; во всяком случае такие материалы в рамках одного номера целесообразней печатать рядом, а не вразброс (ср., например, синтаксические статьи А. Н. Басканова и А. З. Абдуллаева — СТ, 3; сообщения А. А. Ражабова и М. А. Хабичева о чтениях древнетюркской руники — СТ, 2, и т. д.).

Радует то, что журнал не стремится к

«единообразности» идей в своих публикациях по тем или иным отраслям тюрвологии и охотно предоставляет свои страницы сторонникам противоположных точек зрения (например, в отношении конверсии — Э. В. Севортян и А. А. Юлдашев).

Издание нового научно-теоретического журнала открывает перед советскими тюркологами доселе невиданные перспективы и возможности для постановки и всестороннего делового обсуждения актуальных и спорных проблем тюркского языкознания, литературоведения, фольклористики, для теоретического осмысления узловых проблем тюркской филологии.

Г. Ф. Благоса